ДРУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Вручение литературной премии «Букер» обернулось скандалом

Новые известия. – 2005. – 5 декабря. – с. 5

Мария Кормилова

Ростовский писатель Денис Гуцко получил престижную премию «Букер» и 15 тыс. долларов за роман «Без пути-следа». Именно за Гуцко проголосовали четыре члена жюри из пяти. Председатель жюри Василий Аксенов ни от кого не скрывал, что болел за своего соратника и единомышленника Анатолия Наймана. Однако Найман – по мнению экспертов, главный претендент – в итоге проиграл. Разразился скандал: вопреки традиции Аксенов отказался оглашать имя победителя и потребовал, чтобы ему как главе жюри дали не один, а два голоса. Впрочем, его протеже и это не помогло бы.

Писатели и критики, приглашенные на объявление лауреата, уже при входе в конференц-зал спрашивали у организаторов: «Ну что, Найман?!» Но власть Аксенова в жюри оказалась не тоталитарной. Из-за старой дружбы у премии появилась напряженная драматургия. На сцену выдвинулись те неприятные интриги, которые «Букер» обычно прятал за кулисами. Тем не менее надо снять шляпу перед благородным упрямством шестидесятников, их верностью дружбе и прежним ценностям.

Если бы приз сорвал Анатолий Найман, как все того ждали, то стратегически для премии «Букер» это было бы дополнительной раскруткой: он как-никак мэтр, литературный секретарь Анны Ахматовой и отражатель ее славы. Однако тактически, в ситуации этого года, такое решение убило бы все живое, что есть в русской литературе. В «коротком списке» премии 5 из 7 романов – о пресловутой власти, которая душила советских людей. Роман Дениса Гуцко выгодно выделяется на этом фоне незаплесневевшей темой: он захватывает распад Советского Союза и относительно близкие нам времена.

Была в этом году и еще одна тенденция. В «длинном» и «коротком» списках жюри отметило раздробленные романы, близкие к «потоку сознания» и другому модернистскому штукарству. Используя сравнение Кортасара, можно сказать, что подобная техника делает из романа не слитную кинокартину, а мозаику запечатленных мгновений – как карточки в фотоальбоме. Проблема в том, что далеко не каждый современный автор может писать, как Джойс, складывая из кусочков мозаики органичное целое. Поэтому современные экзерсисы на эту тему часто оборачиваются просто невразумительной кашей, которую читатель пожует и выплюнет. Лауреат Денис Гуцко по этому показателю опять же выигрывает. Но загвоздка еще и в том, что модернистские методы были новостью добрую сотню лет назад, сегодня актуальны поиски какого-то «нового реализма», пока никому не ведомого.

Кстати, из-за таких накладок перспективной может стать инициатива Букеровского комитета, который уже второй раз вручает альтернативную премию «Студенческий Букер» со скромным фондом в 500 долларов. В этом году ее отхватил литературный хулиган Дмитрий Быков с романом «Эвакуатор». Вещь со смыслом, раздражающая литературной игрой, но когда увлечешься, то можно простить автору любые издевательства. Приятно, что члены молодого жюри, скорее всего, не пили водку с писателями, которых судили (хотя и этого не отследишь). К тому же по студенческому «короткому списку» видно, что молодые критики, как правило, находятся в поисках актуальных тем и удобочитаемых романов.

ДМИТРИЙ ХРУПОВ

Писатель Гуцко победил с неожиданно разгромным счетом – 4:1.

КСТАТИ

В пятницу, 2 декабря, на книжной выставке non/fiction объявили лауреатов премии Андрея Белого – новаторов в сфере литературы. Награда возникла в 1978 году в среде андерграунда и стала первой в России негосударственной литературной премией. В соответствии с возможностями учредителей премиальный фонд невелик. Это 1 рубль, яблоко и бутылка водки. В конце декабря в Петербурге авторитетную награду получат:
Мария СТЕПАНОВА, «Физиология и малая история» (поэзия),
Юрий ЛЕЙДЕРМАН, «Олор» (проза),
Борис ДУБИН (гуманитарные исследования),
Вячеслав КУРИЦЫН (за заслуги в развитии русской литературы).

Лауреат премии «Букер» Денис Гуцко:

«На уроках литературы я стрелял из рогатки»

Денис Гуцко написал роман «Без пути-следа» о самом себе – мальчике из русской семьи, которая сначала жила в Грузии, а потом в России. И у героя, и у писателя, если прислушаться, чуть заметен акцент, но в жилах нет ни капли грузинской крови. Оказавшись в чужой среде, тот и другой почувствовали себя в центре вавилонского столпотворения – чудовищного смешения языков и традиций.

– Денис Николаевич, ваш роман – о ломке Советского Союза. Почему именно эту тему вы выбрали?

– Мы ведь все оттуда. Ну кто здесь космополит? Покажите пальцем! У нас у всех корни оттуда, все наши лучшие чувства, все тараканы. Мы все дети этих руин. Глупо себя обманывать. Но за этими политическими перипетиями и потрясениями мы не успели просто по-человечески сесть и все это переварить. У нас не было времени.

– Как ваша семья попала в Грузию?

– Мой дед приехал в Грузию в 14 лет, остался там после того как раскулачили его семью. Я прожил в Грузии до 17 лет, окончил школу и уехал в Ростов-на-Дону. И первое ощущение от России было, что это однозначно чужая страна. В Грузии все вертится вокруг определенной оси, а в России, мне показалось, все пронизывает какой-то хаос.

– Например? Где вы с этим сталкивались?

– Самое простое: в Грузии все делалось по знакомству...

– Это разве хорошо?

– Я не говорю, хорошо это или плохо, но так оно было привычно. Например, если в Грузии ты приходишь «от Ивана Ивановича» (хотя там, скорее всего, присутствовало бы совсем другое имя и отчество) и тебе оказывают какую-то услугу, то максимум, чего от тебя ждут – что ты пригласишь в гости, накроешь стол. Ждут ответной услуги. Здесь же с тебя возьмут втридорога, что называется. Или, например, семья. Любое празднество означало, что соберутся все до седьмого колена, самые дальние родственники. Опять их увидишь, с ними поговоришь. Почувствуешь, где ты в этом мире и куда ушел с прошлого раза, когда вы встречались. Тот преуспел, а этот запил. А у того сын родился. И вот в этой системе координат ты определял себя. Это давало ощущение законченности, уюта. А здесь люди не встречаются, не приглашают друг друга в гости, не знают, какие родственники у них есть.

– Может быть, это индивидуализм европейской культуры?

– Да, наверное. Но я ведь оттуда, я ведь не из Европы. Мне ближе Грузия. Я себя уже не переломаю.

– Какие-нибудь ваши родственники остались там, в Грузии?

– Нет, но осталась учительница литературы, которой я обязан тем, что сейчас получил «Букера». Я был у нее любимчиком, и она заставляла меня писать сочинения, в то время как все читали вслух. А начинали мы с того, что я постоянно стоял в углу. Я был хулиган. Плевался на уроках, из рогатки стрелял. А потом она показала мне, что есть русская литература. И это меня так увлекло, что закончилось (или еще не закончилось?), – словом, привело меня к «Букеру». Я так зачитывался, что бежал с уроков домой, если там ждала книга. Если хоть один человек так побежит к моей книге, я буду считать, что сделал свое дело.